

Литературныя новости.

(Скиталецъ. Разказы. Томъ третій).

Скиталецъ въ нашей литературѣ неизвѣстная извѣстность. Нѣтъ, вѣроятно, человека, который бы не слышалъ его псевдонима, но немногіе знакомы съ его произведениями. А въ послѣднее время къ его произведениямъ установилось даже какое-то пренебрежительное отношеніе.

— А, Скиталецъ,—говорятъ,—это тотъ кто прославился благодаря Горькому.

А иной къ этому прибавитъ:

— Читалъ его „Огарковъ“. Горькій хоть босяковъ идеализировалъ, а этотъ пожелалъ пьяницъ возвести въ перлъ созданія. И какъ все придумано у него, не естественно. Все какіе-то Ильи Муромцы, засѣвшіе въ кабакахъ.

Скитальцу приходится расплачиваться за ту извѣстность, которая была дана ему слишкомъ быстро, такъ сказать въ кредитъ. И теперь съ него требуютъ, чтобы онъ уплатилъ за эту славу съ растовщическими процентами, а такъ какъ послѣднихъ онъ уплатить не можетъ, то его провозглашаютъ банкротомъ.

А между тѣмъ, если не предъявлять преувеличенныхъ требованій, то нужно признать, что это писатель несомнѣнно талантливый и оригинальный, какъ бы ни были ошибочны его „Огарки“, въ которыхъ онъ подражалъ Горькому, доведя недостатки послѣдняго до крайности.

Можетъ быть, Скиталецъ еще вполне не нашелъ себя. Онъ прежде всего поэтъ и видитъ жизнь не совсѣмъ такою, какова она въ дѣйствительности, а онъ старался быть бытописателемъ и социологомъ, для чего у него нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Онъ справедливо говоритъ самъ о себѣ въ разказѣ: „Этапы“:

„Я представляю изъ себя возмутительный и досадный типъ людей, органически неспособныхъ къ знанію жизни: оно ихъ ничему не научаетъ, и они постоянно, однообразно, жестоко, ошибаются въ жизни и въ людяхъ. Досадно и, наконецъ, скучно смотрѣть на ихъ ошибки, страданія, несчастія, которыя у нихъ всегда одни и тѣ же. Они неспособны быть психологами и сколько-нибудь знать человѣческую душу: они знаютъ только свою собственную душу и ничего не видятъ вокругъ себя. Изъ глазъ ихъ падаютъ радужные лучи, мѣшающіе видѣть міръ такимъ, какимъ онъ есть. Стоить такому человѣку взглянуть на самый обыкновенный предметъ, какъ, освѣщенный его взглядомъ, предметъ изъ реального становится фантастическимъ, и, конечно, только для такого человѣка и только на это время, пока на него смотреть такой человѣкъ. Онъ смотритъ на міръ, на людей, на жизнь—а видитъ всегда свою фантазію“.

Повѣсть „Этапы“, помѣщенная въ послѣдней, третьей книжкѣ разказовъ Скитальца, имѣетъ автобиографическій характеръ. И не потому только, что она ведется отъ перваго лица, но потому, что въ ней дѣйствительно передаются факты изъ скитательской жизни автора. Весьма возможно, конечно, что они сильно украшены его поэтической фантазіей.

Главное достоинство ея — несомнѣнно прекрасный поэтический языкъ, на фонѣ котораго мелькаютъ нѣсколько фигуръ, довольно хорошо изображенныхъ—сквозь призму настроенія автора, но которыхъ причтеніи словно видишь передъ собой. Повѣсть связывается лишь личностью героя, котораго судьба бросаетъ изъ стороны въ сторону, „по волѣ волнъ“, но ведетъ его и все окрашиваетъ его поэтическое настроеніе.

Кромѣ этой большой повѣсти, въ книгѣ помѣщено нѣсколько мелкихъ набросковъ, не одинаковаго достоинства, но которые всѣ написаны прекраснымъ языкомъ. Набросокъ: „Рѣка Уса“ имѣетъ описательный характеръ, но написанъ очень поэтически, это словно маленькая поэмка. Такой поэмой является и набросокъ: „Въ лѣсу“, изображающій борьбу лосей изъ-за самки, борьбу, нарушающую торжественную тишину и гармонию природы.

Разказъ: „Дуэтъ“ имѣетъ психологическій характеръ, изображаетъ протестъ въ семьѣ противъ обыденной жизни, служащей основой семейнаго разрыва. Хотя разказъ коротокъ, но въ препирательствахъ мужа и жены встрѣчаются здѣсь несомнѣнныя и досадныя длинноты. Гораздо лучше разказъ: „Въ деревнѣ“, въ которомъ есть нѣчто типическое.

Въ разказѣ изображается погромъ, который былъ произведенъ въ деревнѣ по случаю манифеста 17 октября. Пострадалъ, между прочимъ, докторъ, до тѣхъ поръ любимый крестьянами. И въ послѣдней сценѣ мы видимъ этого доктора разочарованнымъ, съ незаживающей раной въ сердцѣ, которую нанесъ ему этотъ погромъ, тогда какъ деревня послѣ этого погрома оправилась, посвѣтлѣла, бодро стремится впередъ, полна вѣры въ будущее, что ярко выражается въ ея представителѣ Челякѣ. Въ этихъ образахъ авторъ какъ бы изобразилъ бодрое настроеніе народа и разочарованное интеллигенціи послѣ событій 1905 года.

Кромѣ разказовъ, въ книжкѣ помѣщено нѣсколько стихотвореній, о которыхъ можно сказать, что они далеко не такъ хороши, какъ могъ бы Скиталецъ писать стихами. Къ сожалѣнію, эта сторона его дарованія у него въ забросѣ. И, можетъ быть, онъ даже вообще еще вполне не нашелъ себя. Во всякомъ случаѣ, во всемъ, что онъ пишетъ, видно несомнѣнное дарованіе. Изъ всѣхъ писателей, сгруппированныхъ около Горькаго (исключая Леонида Андреева, выдѣлившагося въ самостоятельную величину), пожалуй, никто не обладаетъ такимъ живымъ поэтическимъ дарованіемъ, никто не пишетъ такимъ хорошимъ, поэтическимъ и картиннымъ языкомъ, какъ Скиталецъ.

Можетъ быть онъ не завоюетъ вновь той громкой репутаціи которая была дана ему почти въ кредитъ, но его дарованіе, когда онъ вполне овладѣетъ имъ, можетъ создать ему менѣе блестящія, но болѣе прочныя симпатіи среди читающей публики.

Читатель.